

УДК 159.923.2

А. Н. Сагайдак

кандидат психологических наук,
руководитель Центра психологических трансформаций «Теурунг»

ПАЛЕОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ АРХЕТИПА УЖАСНОГО МЛАДЕНЦА

В данной статье рассмотрены палеопсихологические аспекты возникновения архетипа Ужасного младенца как темного полюса выделенного К. Г. Юнгом бинарного архетипа Божественного младенца.

Ключевые слова: Божественный младенец, антропогенез, палеопсихология, адельфофагия, интердикция, архетип Звероотца.

Выделяя среди базовых архетипов архетип Божественного младенца, К. Г. Юнг отмечает, что во всех мифах, где он присутствует, этот образ амбивалентен: с одной стороны, он беспомощен и практически отдан во власть ненавидящих его врагов, с другой стороны, его способности уже с колыбели огромны. Сюжет мифа таков, что младенец наделен не только огромными силами, но и покровительством свыше и преодолевает все опасности. По мнению Юнга, он персонифицирует внеличные жизненные силы и те возможности, которые находятся за пределами сознательных представлений. «Младенец» — это символ целостности, охватывающей глубинные начала Природы. Он представляет самое сильное и неизбежное желание, присущее каждому существу — желание самореализации. Он является, так сказать, воплощением неспособности поступать иначе, оснащенной всеми силами природы и инстинктов, в то время как сознание постоянно оказывается жертвой своей мнимой способности поступать иначе» [1].

Далее Юнг отмечает, что обращение к феноменологии рождения младенца приводит нас к изначальному психологическому синкретизму, состоянию бесформенности и неузнавания, слияния субъекта и объекта, состоянию тождества микрокосма и макрокосма. Дифференциация этого синкретичного единства и производит архетип Божественного младенца, выступающего средоточием света, жизненности, надежды и устремленности в будущее. Однако динамика дифференциации архетипа такова, что, выходя из стадии синкретичного единства, архетип становится биполярным. Синкретичная до-дорийская Великая Мать дифференцировалась на светлую Деметру и темную Гекату; хтоническая Иштар — на светлую любвеобильную Афродиту и смертельно опасную Артемиду; темный этрусский Аполлон-волк — на опьяненного агрессией Марса и златокудрого поэтического Феба.

Логично предположить, что и синкретичный Божественный младенец, выходя из недифференцированного состояния, поляризуется на Божественного младенца и его противоположность. Можем ли мы найти в мифологии примеры второго, противоположного полюса? Вполне.

В аналитическом каталоге «Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам» Ю. Е. Березкина [2] мы находим две группы подобных мифов. В первой таким Ужасным младенцем является девочка, во втором — мальчик. Сравнительный анализ ареалов распространения обеих групп мифов показывает следующее:

Таблица 1

Сравнительный анализ ареалов распространения мифов об Ужасном младенце

1 группа (Ужасный младенец — девочка)	2 группа (Ужасный младенец — мальчик)
	Меланезия
	Полизения
Япония	Япония
Китай, Корея	
	Сахалин
Северо-Восточная Азия	Северо-Восточная Азия
Восточная Сибирь	Восточная Сибирь
Западная Сибирь	Западная Сибирь
Южная Сибирь	
	Субарктика
	Северо-Восток Индии
	Южная Азия
Средняя Азия	
	Индонезия
Передняя Азия	
Кавказ — Малая Азия	Кавказ — Малая Азия
Средняя Европа	Средняя Европа
Балтоскандия	Балтоскандия
Балканы	
	Юго-Западная Африка
Северная Африка	
	Бантуязычная Африка
	Северная Америка
	Южная Америка
	Огненная Земля

Как мы видим, у мифов второй группы ареал распространения шире и он включает такие территории, где не распространены мифы первой группы, а именно: всю территорию Северной и Южной Америки включая Огненную Землю, острова Тихого океана, Южную Азию и Индонезию, Центральную и Южную Африку.

Сюжетное ядро мифов первой группы таково:

Рождается младшая дочь, либо люди находят девочку; она монстр или превращается в монстра, всех пожирает. Ее старший брат спасается, она его преследует.

В качестве примера приводим характерный миф первой группы (Иран):

Знахарь дает бездетному падишаху яблоко, чтобы тот съел его с женой; жена рождает девочку; оказывается, что есть еще сын, ранее украденный и теперь возвращенный; у девочки железные зубы; она откусывает соски матери, затем коровам, затем съедает животных и людей; оставшиеся бе-

гут, среди них шахзаде; женится; велит жене спустить его любимую кошку, когда вода в тазу покраснеет; по дороге бросает финиковые косточки, из них вырастают пальмы; дома застаёт лишь сестру, она бросается за братом, он прячется на пальме, та грызет стволы один за другим; вода краснеет, кошка кусает сестру-чудовище в мозг; шахзаде с женой переезжают на родину шахзаде, город снова наполняется людьми.

Сюжетное ядро мифов второй группы таково:

Женщина (редко: мужчина) рождает или подбирает младенца; тот оказывается демоном, убивает людей.

В качестве примера приводим характерный миф второй группы (Огненная Земля, яганы):

Девушка находит камень, формой напоминающий младенца; он оживает, откусывает данную ему грудь; убивает так нескольких женщин; превращается в каменного человека; делает своими женами множество женщин; те пронзают его мягкие подошвы, он не может встать, люди сжигают его [2].

Анализ литературы, кино и других произведений искусства показывает нам, что настоящий всплеск манифестации архетипа Ужасного младенца произошел во 2-й половине XX века в США. Первым знаковым произведением такого рода стал фильм Тода Броунинга «Уродцы», вышедший на экраны в 1932 году. По сюжету фильма в бродячей цирковой труппе вместе с нормальными актёрами выступают люди с патологиями физического развития. Красавица-гимнастка Клеопатра случайно узнаёт, что восхищённый её красотой лилипут Ганс унаследовал крупное состояние. Она притворяется, что любит Ганса, и заставляет его расстаться с карлицей Фридой, с которой он помолвлен. Клеопатра и Ганс играют свадьбу, гостями на которой становятся все цирковые уродцы труппы и любовник Клеопатры силач Геркулес. Уродцы хотят провести ритуал принятия Клеопатры в «свой круг», но опьяневшая красавица и Геркулес начинают над ними издеваться. Карлики понимают, что Клеопатра далеко не так великодушна, как выглядит, и начинают за ней следить. После свадьбы Клеопатра пытается отравить Ганса медленно действующим ядом. Ганс делает вид, что тяжело заболевает, но уродцы знают замысел Клеопатры и выжидают удобного момента для мести. Во время одного из переездов, когда фургон Клеопатры перевернулся на дороге во время грозы, уродцы настигают её в лесу. Неизвестно, что и как они делают с женщиной, но через несколько лет мы видим в бродячем балагане совершенно другую Клеопатру — лишённую речи и безумную уродливую женщину-птицу [3].

После выхода на экран этого фильма, крайне неоднозначно воспринятого публикой (он вошел в классику кинематографа, но провалился в прокате), появляются новые, такие, например, как «Отвращение» Романа Полански, «Изгоняющий дьявола» Уильяма Фридкина, «Детская игра» Тома Холланда. Однако особый динамизм и глубину манифестации архетипа Ужасного младенца мы наблюдаем в произведениях Стивена Кинга и их экранизациях. Характерный пример: «Дети кукурузы», рассказ, который является едва ли не лучшей литературной манифестацией архетипа Ужас-

ного младенца экранизирован в США восемь (!) раз [4]. Ретроспективный анализ показывает, что образ детей, убивающих своих родителей, на протяжении последних нескольких десятков лет занимает все большее культурное пространство, в первую очередь в кинематографе. Наиболее показательными картинами последних лет в западной культуре можно назвать фильм британского режиссера Тома Шекленда «Детишки», а в отечественной — «Юленька» Александра Стриженова.

Каковы характерные черты, объединяющие все имаго Ужасного младенца, манифестированные в кино и литературе?

Первая черта, бросающаяся в глаза и вполне совпадающая с мифологическим каноном — его полная чуждость миру людей. История появления на свет этого младенца страшна и темна, нередко она вообще опускается как в фильме «Отвращение», где мы сталкиваемся с уже взрослой девушкой, ядро сумасшествия которой составляет андрофобия и лишь по одной детали ее детства — показанной на несколько секунд детской фотографии — мы интуитивно можем предположить, что в основе ненависти к мужчинам лежит все-таки ненависть к отцу. Ненависть к отцу и сомнительность происхождения от реального физического отца — лейтмотив произведений об Ужасном младенце. Даже в тех случаях, когда такая связь несомненна — «Кладбище домашних животных» С. Кинга, родство отца и сына прерывается смертью последнего, и его новым «отцом», причем как и душевным, так и физическим (поскольку именно он дал ему новую «жизнь») становится вендиго — дух-людоед, представленный в мифах оджибве (чиппева) и некоторых других алгонкинских племен [6]. Он живёт на севере, подстерегает людей, нападает на них и является символом ненасытного голода. Следует подробнее остановиться на этом мифологическом персонаже, поскольку взаимосвязь Ужасного младенца с существом, наделенным подобными характеристиками, прослеживается не только в этом мифе.

Согласно мифу это высокое существо, с безгубым ртом и острыми зубами. У них ледяное полупрозрачное тело либо звериное туловище, покрытое густой шерстью. Основа поведения вендиго — ненасытный голод, который, по-видимому, связан с их худобой. Они приманивают своих жертв характерным свистом, который приводит к помутнению рассудка у последних.

Истории о происхождении вендиго делятся на три вида.

1) Вендиго стал результатом метанойи отважного воина, который продал душу, чтобы отвести угрозу от своего племени. Когда угроза была устранена, он ушел в лесную чащу, и с тех пор о нём ничего не слышали.

2) Вендиго — это человек, который постепенно терял человеческий облик из-за использования чёрной магии и ритуального каннибализма.

3) Вендиго — это существо, которое когда-то было человеком, но, заблудившись в лесу, или когда случается какой-либо катаклизм, человек на грани смерти от голода решает убить и съесть своего попутчика или друга, но после трапезы проходят недели, и человек теряет свой внешний облик, и наступает голод, который он может утолить только человеческим мясом, и больше он не может вернуться к нормальной жизни.

Вот как описывается внешность вендиго и его повадки: «Он выше нормального человеческого роста, очень худого телосложения. Иногда вендиго покрыты свалывшейся белой шерстью, другие же описывают их как совершенно лысых. Обычно они просто-напросто преследуют свою добычу, но иногда используют иной подход, свидетели утверждают, что вендиго наслаждаются охотой. Одинокий путник, оказавшийся в лесу, начинает слышать странные звуки. Он оглядывается в поисках источника, но ничего не видит, кроме мелькания чего-то, что двигается слишком быстро, чтоб его мог засечь человеческий глаз. Спустя какое-то время мельтешение утихнет, и вендиго, возможно, тихо заревёт, потому что ему нравится активная охота. И когда путник начинает в страхе убежать, вендиго атакует. Он могуществен и силен как никто другой. Ему нет необходимости устраивать засады на свою жертву. Он быстрее и сильнее любого человека, однако он получает удовольствие от своих охотничьих игр. Считается, что вендиго не берёт обычное оружие, включая пули. Зверя можно убить только огнём» [7].

И здесь мы обнаруживаем неожиданную параллель с теорией антропогенеза, предложенной Борисом Федоровичем Поршневым — одной из самых неоднозначных фигур советской исторической науки [8].

Рассматривая антропогенез каменного века, Поршневы утверждал, что палеоантропы (неандертальцы), не являлись охотниками, а занимались некрофагией. Антропоидные поведенческие навыки Поршневы выводит именно из необходимости палеоантропов заниматься некрофагией для обеспечения организма белковой пищей (прямохождение — освобождение передних конечностей для переноски камней, чтоб раскалывать черепа и крупные кости трупов, а также для слежения за птицами, которые слетались для пожирания падали; обработка камней — для освеживания и разделки трупов; добывание огня — для вытапливания костного мозга из губчатого вещества скелета и т. д.). Прогрессивность палеоантропов по сравнению с другими высшими приматами (мегантропами, гигантопитеками, австралопитеками, археоантропами), по мнению Поршнева, состояла прежде всего в способности подражать звукам других зверей и благодаря этому вступать с ними в симбиотические отношения. Это и заложило предпосылки одомашнивания животных. Очередной кризис экологических ниш привел к исчезновению основных хищников плейстоцена — махайродов — которые были одновременно и основными поставщиками падали для палеоантропов. Это привело последних к каннибализму (адельфофагии) и внутрипопуляционным убийствам. В свою очередь, это привело к внутривидовой дифференциации и появлению неантропов (кроманьонцев), которые первоначально выступали как основной пищевой ресурс палеоантропов. В дальнейшем это привело к популяционному бегству неантропов от каннибалистического «диктата» палеоантропов, что привело к раннему заселению Америки неантропами-палеоазиатами (как уже доказано — еще раньше, чем собственно Азии). Обратим внимание, что в сравнительном анализе распространения мифов об Ужасном младенце-девочке и Ужасном младенце-мальчике вторая группа доминирует именно в Америке.

Переходя в сферу палеопсихологии, Поршнева предполагает, что жестокий внутренний конфликт между выработанным инстинктом подчинения и адаптивным поведением, направленным на выживание, трансформировался в, собственно, видовой невротический конфликт. Этот конфликт с одной стороны способствовал взрывному распространению неантропов по всей поверхности планеты, с другой — появлению психических заболеваний, которых у палеоантропов, по-видимому, не было: «Вероятно, и палеоантропы, и эти суггесторы пытались понемногу географически перемещаться вслед за такими беглецами-переселенцами. Но остается очень убедительным вывод современного расоведения: американские неантропы-монголоиды (индейцы) по своему антропологическому типу древнее современных азиатских, то есть откочевали из Азии в Америку до сколько-нибудь плотного заселения Азии, а из американских южноамериканские древнее североамериканских; австралийские аборигены представляют особенно древний тип неантропов, то есть переселились сюда в весьма раннюю пору формирования неантропов. Из этих фактов умозаключение однозначно: на самые далекие края пригодного к обитанию мира неантропы отселились особенно рано в эпоху дивергенции с палеоантропами» [8].

Стремительная эволюция неантропов и постепенная деградация палеоантропов (недостаток витамина D и вызываемый этим рахит), привели к тому, что последние в значительной мере вымерли и отчасти ассимилировались в среде неантропов. Однако если их след в геноме современного человека незначителен, то в психотипе, по-видимому, он гораздо весомее. Один из последователей идей Поршнева в публицистике, Б. А. Диденко, в своей книге «Цивилизация каннибалов» [9] проводит прямую параллель между тем, что в советской патопсихологии называли «абсолютный приоритет убийцы» (а еще ранее Ч. Ломброзо — психотипом «прирожденного преступника») [10], и палеоантропидным наследием в психике современного человека. Однако, даже если не принимать во внимание вероятностные проявления психологии палеоантропа на уровне сознания, на уровне коллективного бессознательного его присутствие мы наблюдаем вполне явно. Виндиг, дэвы, сатиры, лешие, Минотавр, вилколак, б'йорсьорк — все это вполне соотносится с образом палеоантропа и спецификой того «следа», который он оставил в родовой памяти неантропа согласно теории Б. Ф. Поршнева. И если проследить взаимосвязь между архетипом Ужасного младенца и палеоантропом, то следует отметить характерную деталь.

И в мифах, и в современных кино- и литературных произведениях, Ужасный младенец лишен естественного, гармоничного инфантилизма. Он выглядит как маленький взрослый, а нередко даже как маленький старик. В то же время данные современной антропологии говорят следующее: «Анализ костного строения показывает, что дети неандертальцев выглядели как маленькие взрослые и, вероятно, их половая зрелость наступала уже к 8–10 годам» [11].

In toto мы можем обоснованно предположить следующее. На доисторическую (предисторическую) эпоху, эпоху палеопсихологии и начала

филогенеза, приходится формирование базовых архетипов коллективного бессознательного. Динамика дивергенции/конвергенции древних гуманоидных рас, безусловно, наложила отпечаток на этот процесс. Гипотеза о существовании адельфофагии в рамках гуманоидной популяции между палеоантропами и неолантропами дает представление об антропологических детерминантах формирования темного полюса архетипа Великого Отца и, в частности, такого проявления этого архетипа как инфантицид. Это, в свою очередь, делает логичным предположение о влиянии этого архетипа — в рамках нашего исследования мы дали ему рабочее название «архетип Звероотца» — на формирование темного полюса архетипа Божественного младенца. По мифологическому сценарию Ужасный младенец появляется в семье светлого Великого Отца либо как пришелец, появившийся на свет агамогенетически, либо в результате метанойи родного сына по принципу «смерть-оживление», где Звероотец выступает ревитализирующей и усыновляющей силой. При этом, учитывая зооморфный характер последнего, мы можем рассматривать его как тотемного предка.

Список литературы

1. Юнг К. Г. Душа и миф. Шесть архетипов / пер. с нем. А. А. Спектор. — Минск : Харвест, 2004. — 400 с.
2. <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/>
3. <http://www.kinopoisk.ru/level/1/film/8430/>
4. [http://ru.wikipedia.org/wiki/Дети_кукурузы_\(фильм\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Дети_кукурузы_(фильм))
5. [http://ru.wikipedia.org/wiki/Кладбище_домашних_животных_\(роман\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Кладбище_домашних_животных_(роман))
6. Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. — М. : Советская энциклопедия, 1990. — 672 с.
7. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Вендиго>.
8. Поршнева Б. Ф. О начале человеческой истории. — М. : ФЭРИ-В, 2006. — 640 с.
9. Диденко Б. А. Цивилизация каннибалов. — М. : Китеж, 1996. — 160 с.
10. Клиническая и судебная подростковая психиатрия / под ред. В. А. Гурьевой. — М., 2001. — 474 с.
11. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Неандерталец>.

А. Н. Сагайдак

кандидат психологічних наук,
керівник Центру психологічних трансформацій «Теурунг»

ПАЛЕОПСИХОЛОГІЧНІ ДЕТЕРМІНАНТИ ФОРМУВАННЯ АРХЕТИПУ ЖАХЛИВОГО НЕМОВЛЯТИ

Резюме

В даній статті розглянуто палеопсихологічні аспекти виникнення архетипу Жахливого немовляти як темного полюса виділеного К. Г. Юнгом бінарного архетипу Божественного немовляти.

Ключові слова: Божественне немовля, антропогенез, палеопсихологія, адельфофагія, інтердикція, архетип Звіроотця.

A. N. Sagaydak

Ph.D.,

Head of the Center of psychological transformation «Teurung»

**PALEOPSYHOLOGHICNI DETERMINANT OF ARCHETIPES
TERRIBLY BABY**

Summary

This article discusses aspects of the archetype paleopsihologhichni Monstrous baby like dark pole selected CG Jung binary archetype divine infant.

Key words: Divine child, anthropogenesis, paleopsihologiya, adelfofagiya, interdiction, archetype father-beast.